

DAVID GESSNER

THE BOOK OF FLACO

*The World's
Most Famous Bird*

*Blair,
2025*

ДЭВИД ГЕССНЕР

ФИЛИН ФЛАКО

*История самой
знаменитой птицы в мире*

*Individuum,
2026*

Перевод с английского
Николая Мезина

УДК 598.2
ББК 28.693
Г43

Напечатано с разрешения
литературного агентства Andrew Nurnberg

Гесснер, Дэвид
Г43 Филин Флако. История самой знаменитой птицы в мире /
Дэвид Гесснер; [пер. с англ. Н. Мезина] — М.: Individuum, Эксмо,
2026. — 192 с.

ISBN 978-5-04-227093-2

В феврале 2023 года филин по имени Флако при загадочных обстоятельствах сбежал из тесного вольера нью-йоркского зоопарка, где провел всю жизнь, и стал вольным жителем мегаполиса, превратившись в мировую знаменитость. Одни требовали уважать его естественное стремление к свободе, другие боялись, что в диких условиях птица долго не проживет. Спустя год Флако действительно погиб, но оставил после себя внушительное наследие. Исследуя биографию филина-суперзвезды, журналист Дэвид Гесснер размышляет о птицах, бердвотчерах, городах, спорах в интернете и сложных отношениях человека с окружающей средой — и восхищается мгновениями свободного полета, какими бы краткими они ни были.

УДК 598.2
ББК 28.693

© Copyright © 2025 by David Gessner
© Н. Мезин, перевод, 2026
© ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-227093-2

Individuum®

Оглавление

1. Побег	7
2. Последователи	25
3. Эволюция	44
4. Явление	57
5. Прогулка в парке	74
6. Виртуальная птица	96
7. Страсть Анке	127
8. Вестсайдская история	147
<i>Наследие. Флако жив!</i>	173

ПОБЕГ

У Человека-филина есть клюв.

А как же иначе.

Ничего дикого, вообще не такой уж заметный и даже красивый. Но, я бы сказал, нос у него несомненно клювообразный. И к слову, то, как его взгляд не меняет направления, когда этот парень двигает головой, тоже выглядит как-то... по-совиному.

Я приехал в Нью-Йорк, чтобы встретиться с Человеком-филином и — тут вряд ли удивлю — поговорить о филинах. Мы встретились в замке Бельведер, что над Черепашьим прудом в самой середине Центрального парка, а теперь идем через Сад Шекспира, направляясь к западному краю парка. Здесь территория Человека-филина, не моя, поэтому дорогу выби-

рает он. В следующие три месяца эта окрестность приобретет в моем сознании какое-то мистическое значение — станет сказочным краем, зачарованным лесом, — но сейчас это просто незнакомые места.

Мы выходим из парка в районе 81-й улицы и направляемся на север, минуя знаменитый Бересфорд — дом по адресу Централ-Парк-Уэст-авеню, 211, с его тяжеловесными восьмиугольными башнями. Моросит мелкий дождик.

Человека-филина зовут Дэвид Бэррет, и в последний год он исполнял одну из главных ролей в драме Флако, филина, сбежавшего из зоопарка в Центральном парке. Пернатый беглец моментально приобрел множество поклонников среди людей, и скоро сформировалась целая секта свидетелей Флако. И если у этой секты был свой верховный жрец, то этот пост занимал Дэвид, чей аккаунт в твиттере*, Manhattan Bird Alert (@BirdCentralPark) («Манхэттенская птичья вахта»), помогал многим следить за Флако, как в парке, так и в интернете.

Дэвид проводит для меня экскурсию по местам, где Флако предпочитал бывать в свои последние дни, и одно из них — изысканное здание в стиле ар-деко на улице Централ-Парк-Уэст, 241, где, сообщает Дэвид, филин «несколько раз сидел».

Пройдя еще немного на север, мы останавливаемся, и Дэвид указывает на другое здание, коричневато-бежевое, во втором ряду домов. На крыше виден оголовок вентиляционной шахты — на него Флако тоже любил садиться.

— Здесь я видел его в последний раз, — поясняет Дэвид.

В свои последние дни филин много времени проводил в уединенных дворах и переулках Верхнего Вест-Сайда и время от времени вносил разнообразие в крысиную диету, пируя

* Во время описываемых в книге событий эта платформа подверглась ребрендингу и теперь называется X, но мы продолжим до конца книги использовать ее оригинальное название. — *Здесь и далее примечания переводчика и редактора.*

по ночам городскими голубями. И те и другие, как оказалось, медленно убивали его.

С 19 ноября и до его последней минуты здесь у Флако был кормовой участок, и ночами уханье филина катилось эхом по улицам и отдавалось в зазорах между домами.

И вот мы проходим еще немного на запад, и Дэвид указывает на водонапорку, которую Флако особенно любил. Я вглядываюсь в нее сквозь колючие ветви гледичии, что растет из заплатки грунта посреди тротуара 86-й улицы. Водонапорка на макушке двадцатиэтажного здания выглядит как шляпка не по размеру. Белая краска местами облезла, показались желто-оранжевые проплешины. Сбоку приварена лесенка, и Дэвид рассказывает, что Флако любил отдыхать на ее верхушке. Он вообще питал нежность к водонапоркам: наверное, потому что, как и он сам, эти баки сидели на самой высокой точке крыши, или потому что они отражали его крик, усиливая отзвук. С водонапорок он оглашал город своим уханьем.

До сих пор я как-то и не замечал, что в Нью-Йорке есть такие сооружения. А после этой прогулки стану видеть их повсюду. Огромные, старинного вида котлы, трутовики из прошлого века на крышах современных зданий. Идеальный насест для филина.

Дэвид, который сам живет около Центрального парка, в Верхнем Ист-Сайде, впервые услышал о филине вечером его побега, 2 февраля 2023 года, когда Флако прилетел на Пятую авеню: подписчики Дэвида в твиттере сообщили ему об этом «еще в девять или в полдевятого». Сначала один из подписчиков объявил беглеца виргинским филином, но Дэвид быстро соотнес факты: птица не из местных, а замечена всего в трех кварталах от Центрального парка, где расположен зоопарк. Ранним утром Дэвид с биноклем и фотоаппаратом двинулся вдоль южной границы парка к заповеднику Халлетта, и вскоре филин оказался в его поле зрения. К тому часу уже вышли

новости, подтвердившие, что птица действительно улетела из зоопарка и ее кличка Флако. Следующие несколько дней Дэвид наблюдал за Флако, опрашивал людей, видевших филина в его первую ночь на воле, и без передышки постил в твиттер.

За пару дней до личной встречи у нас состоялся длинный телефонный разговор, во время которого Дэвид сообщил многие подробности года, прожитого Флако на воле. Я отметил, что у моего собеседника необыкновенно четкая, почти отрывистая речь, и заподозрил, что Дэвид родился не в Соединенных Штатах. Но когда я задал вопрос о его происхождении, он отвечал довольно уклончиво.

— Я уже давно ньюйоркец, — пояснил он. — А этот акцент — от обучения вокалу и сценической речи. Я пробовал петь оперу, как любитель, спел много классических арий и выучил кучу монологов, и это, в общем, до сих пор сказывается.

Дэвид щедро тратит на меня свое время и охотно делится знаниями, и я понимаю, как много Флако значил для него. Но, ведя беседу в своей манере, которая мне кажется вдумчивой и осторожной, Дэвид обходится без прямого проявления эмоций.

— В вольере он даже никогда не подавал голоса, — рассказывает Бэррет на обратном пути к парку. — Видно, у него просто не было причины для этого. Совы любят ухать с какого-нибудь высокого места, где их хорошо видно и слышно. Прожив на воле полгода, Флако принялся ухать с крыш по всему городу. Нью-Йоркцы привыкли к его уханью, и когда он умолк, стало грустно.

Слушая Дэвида, я пытаюсь понять, что потерял. Следя за Флако, он выстроил новый режим дня, почти год вел жизнь сумеречного и ночного охотника. По биоритму он всегда был — уж простите — совой, но с появлением в его жизни Флако этот ритм стал особенно четким. При свете совиные обычно неактивны, и их день начинается, в сущности, с вылетом — так называют момент, когда птица после дневного отдыха на ветке пускается на ночные приключения. Однако крупные совиные,

а обыкновенный филин* — один из самых крупных в семействе, предпочитают охотиться не только ночью, но и в вечерние и утренние сумерки, поскольку, в отличие от сов помельче, для успешной охоты им не обязательно прятаться в темноте и нападать внезапно. У Дэвида в те двенадцать месяцев тоже был ежевечерний «вылет»: за час-другой до заката он, вооружившись биноклем и фотокамерой, покидал дом и направлялся в Центральный парк.

На свой лад Дэвид Бэррет — человек увлеченный, но вместе с тем, как и подобает математику, изучавшему свой предмет в Гарварде и Массачусетском технологическом институте, он — рациональная личность: планы, списки, задачи. Поджарый и спортивный, он элегантно одевается, сегодня вот на нем ветровка и велосипедные перчатки без пальцев. Его страсть прячется за четкой артикуляцией гласных и чеканкой согласных, но пока он говорит о нашем филине, в его голосе звучит любовь. Другое слово здесь не подойдет.

Самая горькая фраза Дэвида, которую я услышу в дни моего пребывания в Нью-Йорке, прозвучит не от него лично, а в пересказе писательницы Нэн Найтон. Нэн ничего не знала о Флако, когда увидела его 14 ноября за окном своей квартиры на тринадцатом этаже на Пятой авеню. На окне у Нэн филин провел три часа: это происшествие она назовет одним из самых захватывающих в жизни. После этого посещения Нэн станет увлеченным свидетелем Флако и почти ежедневно будет общаться с Дэвидом, в основном текстовыми сообщениями.

* В США вид филинов, к которому принадлежит Флако, носит название Eurasian eagle-owl, «евразийский филин». В России этот же вид известен как «обыкновенный филин» (хотя для восточного побережья США этот вид как раз не обыкновенный, в отличие от виргинского филина), поэтому в ряде случаев, когда не требуется подчеркнуть видовую принадлежность Флако, в переводе он упомянут просто в качестве филина.

Во время нашей беседы в ее квартире с видом на пруд Центрального парка Нэн говорила мне о своей глубокой привязанности к Дэвиду, но заметила, что для нее этот человек так и остается загадкой. Через неделю после гибели Флако Дэвид обратился к ней с патетическим, по его меркам, признанием.

Вот что он сказал: «Не знаю, куда теперь девать ночи».

К моменту прощания с Дэвидом я устал и вымок, но мой день только начинается. Я спешу через парк на восток. Моя цель — зоопарк, и не только ради туалета. Я хочу увидеть прежний дом Флако, место, которое он покинул.

Может быть, виной тому дождь, а может, печаль Дэвида, или моя собственная растерянность, но зоопарк нагоняет тоску. Десяток с лишним лет назад, когда моя дочь восхищалась здесь пингвинами и морскими львами, место казалось совсем другим. Но все определяет контекст. В этот момент неутешительный отчет о вскрытии еще не бросил тень на последний год жизни Флако, но и без того трудно цепляться за жизнеутверждающий пафос этой истории, который царил несколько месяцев назад. Сегодня филин заставляет меня думать о свободе и неволе, и белые бока снежного барса, мелькнувшие за стеклом вольера, не поднимают мне настроения. Минувшим летом в Монтане и в Канаде меня будто током встряхивало при виде диких медведей-гризли, а сегодня гризли в клетке, притулившийся под скалой, не будит во мне никаких чувств. И экзотические птицы в тропическом вольере не развеивают моей мрачности. Увидев в природе зеленого павлина, плюшевоголовую сойку или золотохохлую майну, не говоря уже о снежном барсе или гризли, я бы дрожал от волнения. А сейчас лишь пожимаю плечами. И верно, контекст определяет все.

Я не сразу смог найти вольер Флако и успел подумать, что его, может быть, снесли. Позади клетки с гризли я увидел человека с лестницей и решил, что это рабочий зоопарка. О нем

я ничего больше не сообщу, так как он окажется наиболее близким аналогом «Глубокой глотки», до которого я смогу дотянуться в моем зоопарковом расследовании*. Верный «недостойному», по определению Филипа Рота, писательскому ремеслу, притворяюсь простаком и спрашиваю:

— Я слышал про знаменитого филина, который вроде бы, здесь жил. Не знаете, где его держали?

Ответив утвердительно, рабочий ведет меня к вольеру, который втиснут рядом с выходом к пингвинам и водоплавающим птицам. Я говорю, что, по слухам, вандалы, освободившие птицу, разрезали сетку болторезом, но мой спутник поправляет:

— Нет, сетка тут стальная. Тут понадобился профессиональный инструмент, шлифмашина.

Он показывает вольер, где сетка теперь убрана целиком. Разводит ладони.

— Птица была крупная, огромная, и вот тут она жила.

Теснота этого вольера поражает. Делая заметки перед поездкой, я записал по фотографиям в интернете, что клетка размером примерно с корт для ракетбола**, но куда там! Явно меньше шести метров в ширину. Похоже на диораму в музее естественной истории. Только здесь держали живую птицу.

Мой спутник без всяких наводящих вопросов принимается рассуждать о событиях той ночи. По его мнению, преступники были из своих.

— По всему, они знали, как что. Ориентировались в зоопарке, потому что вон там стоит камера.

* «Глубокая глотка» — псевдоним информанта прессы по Уотергейтскому скандалу, который привел к отставке президента США Ричарда Никсона в 1974 году. Здесь автор имеет в виду, что упомянутый сотрудник стал его единственным источником информации в зоопарке.

** Стандартные размеры корта для ракетбола — примерно 12,2 метра в длину и 6,1 метра в ширину.

Он указывает на место в паре метров позади нас.

— Ступишь сюда, и ты на видео. Они знали, что сетку надо разрезать позади вольера и где обойти, чтобы не попасть под камеры.

Я осматриваю место, которое тринадцать лет служило Флако домом. Сухие стволы деревьев, которые мой не всегда надежный определитель в телефоне опознает как индийский миндаль, сесбанию и смоковницу, служили Флако ветвями для сидения. На задней стенке вольера декорация: расплывчато написанные горы и степь в тумане с бегущей сквозь них рекой. Местность, где любят селиться филины. Если у тебя на душе достаточно паршиво, такой задник выглядит едва ли не преднамеренным мучительством.

Стальная сетка исчезла, бывшая клетка теперь открыта со всех сторон.

Я спрашиваю моего гида и об этом, и он отвечает:

— Ее держали так весь год на случай, если филин захочет вернуться.

Но он, как теперь ясно, не захотел.

Популярность филина Флако, за приключениями которого целый год следили не только ньюйоркцы, но и миллионы людей по всему миру, имеет множество объяснений. Пернатый бывший узник осваивает городские хитрости, среди злых улиц промышляет крысами. Пришелец неведь откуда явился, чтобы покорить мегаполис. Получилась красивая история о свободе, о бегстве из клетки. Его бегство сравнивали с тем, как многие из нас после долгого «домашнего ареста» в ковид вышли на волю и вновь увидели мир. Да еще и декорации, в которых разыгрывалась эта драма: зеленый остров посреди городского моря — Центральный парк, ставший филину новым домом. И даже мрачный протокол вскрытия, показавшего, что Флако заразился от съеденных голубей вирусной инфекцией, а в его органах накопилось четыре

вида крысиного яда, оказался призывом увидеть, как мы обходимся с нашими городскими птицами.

В те двенадцать месяцев между побегом и гибелью Флако рассказал нам историю, мораль которой и даже сюжетная линия до сих пор не ясны и сильно зависят от того, кто ее пересказывает. Беднягу-филина нагрузили столькими символическими смыслами, что удивительно, как он еще мог летать. Сразу же зазвучало слово «свобода», но люди (как им свойственно) ни в чем не могли согласиться про этого героя. Интернет (как ему свойственно) лишь умножил разногласия. Повесть началась с побега птицы из зоопарка и попыток администрации ее вернуть, которым поначалу большинство наблюдателей сочувствовало. Но когда прогнозы о том, что Флако не сможет добывать пищу в (относительно) дикой природе Центрального парка, не сбылись, акценты сменились, и попытки вернуть филина в клетку стали вызывать все более упорное и убежденное сопротивление. Сторонники свободного Флако составляли воззвания, призывая зоопарк не пытаться больше отловить птицу, и интернет был завален как их комментариями, так и контраргументами их противников. Вмешались орнитологи, прозвучало мнение, что неаборигенная птица может представлять угрозу для аборигенных, так что опять всплыла тема Флако-иммигранта, пытающегося наладить жизнь в чужом городе. Одновременно эксперты тревожились и за самого Флако: сможет ли он выжить в природе и каких ядов наглотается, если научится успешно охотиться? Так обозначился центральный конфликт, который будет нарастать весь год: свобода или безопасность?

Продратся сквозь эти многообразные интерпретации к истоку событий нелегко. Но попробуем распутать все те смыслы, что мы навесили на филина, и увидеть его самого, а не истории о нем. Попытаемся увидеть Флако, каким он был вне этих историй.